

— ...

Минерве нечего было ответить сыну. Ей было ещё больше при мысли, что в какой-то мере она понимает чувства Дайкина, который в отчаянии сказал, что будет рядом с Эйли, чтобы ей не было страшно.

В конце концов Минерва первой поднялась со своего места. Она хотела бы и дальше находиться со своим сыном и ждать, когда очнётся её невестка, но Эйли была не единственным больным человеком в особняке. В соседней комнате её муж стонал от боли и проходил реабилитацию. Головной боли Минерве добавляло то, что Дейл рвался встать и лично посмотреть на невестку. Врач сказал, что он пока ещё не в состоянии даже сидеть, не говоря уже о том, чтобы встать на ноги.

Минерва посмотрела на Эйли, глаза которой были по-прежнему закрыты.

«Ты должна поздороваться с моим мужем, которого ты спасла, милая. Как долго ты собираешься ещё спать, ведь ты даже не услышала ещё от меня слов благодарности?»

Её глаза покраснели.

«Мой сын не плакал, и я тоже не могу глупо лить слёзы. Зачем мне плакать, если все выздоровеют, и мы будем жить счастливо?»

Минерва попрощалась с Эйли перед уходом.

— Дорогая, увидимся позже вечером.

Затем она повернулась к Дайкину.

— Я схожу проведу твоего отца и вернусь.

Даже когда его мать собралась уходить, взгляд Дайкина не отрывался от Эйли. Даже зная это, она ничего не могла сказать. Минерва понимала его, потому что тоже пережила такой же отчаянный и печальный момент. Она тихо открыла дверь и вышла, чтобы не мешать им двоим.

Минерва вошла в комнату Дейла и привычно села рядом с ним. Но в этот раз он не спрашивал, как обычно, как чувствует себя Эйли. Минерва озадаченно посмотрела на Дейла. Его взгляд был прикован к доске с буквами, висевшей на стене.

— Почему ты продолжаешь смотреть на нее?

— Просто. Думал о том, какая ты у меня умная, дорогая.

Минерва тоже перевела взгляд на доску. Она тщательно готовила её, но доску использовали лишь один раз, в тот день. После этого Дейл восстановился за очень короткий период, и смог сам нормально разговаривать. Он выздоравливал так быстро, словно не лежал пять лет в коме. Поэтому, если бы Дейл настоял ещё немного, то смог бы сидеть в кресле. Но риск был велик, поэтому его лечащий врач остановил его.

Его выздоровление было поразительным. Они решили, что это было как-то связано со способностями старика, которого он встречал раньше.

Лицо Дейла слегка исказилось. В его ясных глазах стояли слёзы. Он был очень мягким.

— Если бы не эта вещь, я бы ничего не смог сказать тебе.

— Ну, это произошло также благодаря тому, что ты усердно моргал, дорогой.

— Я тогда думал, что у меня глаза сведёт после такого, — пробормотал Дейл.

Минерва не улыбнулась, она сочувствовала ему. А затем вспомнила, что произошло в тот день.

Ситуация была напряженной, и медицинские работники были заняты изучением его состояния. Всё было нормально, за исключением того, что он не мог нормально двигаться, потому что очнулся спустя пять лет. Они продолжали следить за его состоянием, помогая восстанавливать ему силы.

У Дейла не было времени беспокоиться обо всех этих вещах, которые заботили медицинских работников. Всё его внимание было сосредоточено на том, как сообщить о состоянии его невестки. Он не мог говорить и шевелиться. Дейл мог только моргать.

— Господин Дейл, вы узнаете меня? Если да, то моргните один раз, если нет — дважды.

Ему задали простой вопрос для проверки сознания. Обычно в таких случаях спрашивали о месте, времени и личности человека, но так как он не мог ответить, то приходилось проверять таким образом.

Дейл, мысли которого были заняты другим, моргнул один раз.

«Ты же доктор Хиэль, который слишком заботится о здоровье? Но сейчас это не имеет значения. Есть вещи поважнее этого!»

После того, как он моргнул в ответ, в голове Дейла возникла цепочка информации.

«Когда ты очнёшься, то, скорее всего, не сможешь разговаривать, так как долгое время находишься без сознания, поэтому я сделаю доску, чтобы ты смог общаться с помощью глаз. Если тебе есть что сказать, просто часто моргай мне, хорошо? Примерно пять раз. Тогда я принесу доску... Которую я сделаю... Даже если доски не будет, просто дай мне знак, мы же с тобой были военными. Я пойму».

Дейл не помнил, что это был за знак. У него даже не было идей, что это могло быть. Дейл поспешно взглянул на Минерву и заморгал. Она не сразу поняла, что он хотел сказать. Минерва несколько секунд растерянно смотрела на него, вздрогнула, а затем встала и вышла. С помощью доски Дейл сказал всего одно предложение.

<Невестка больна.>

Минерва, а также медицинские работники на какое-то время застыли из-за этого неожиданного предложения. Дейл очнулся совсем недавно, поэтому мог бредить. Но чтобы понять, бред это или расстройство сознания, понадобится некоторое время и обследования.

Минерва, которая так думала, через несколько секунд изменила свое мнение.

«Может быть, он хочет действительно сказать, что Эйли болеет».

Она связала способности своей невестки и то, что Дейл, который провёл пять лет в коме, внезапно очнулся. Эйли спасла её сына, а её муж пришёл в себя после появления девушки в особняке. Возможно, её невестка продолжала общаться с Дейлом.

Минерва не могла проигнорировать слова Дейла. В конце концов она вызвала рыцаря.

— Позови их обратно прямо сейчас.

Очнувшись спустя долгое время, Дейл страдал. Он плакал, как ребёнок, говоря, что это его вина, что Эйли так плохо.

«— Даже если невестка смотрела на меня грустными глазами и хотела использовать свою способность, я должен был остановить её! Почему я это не сделал! Всхлип-всхлип! Нет, я должен был заметить, всхлип, с первой нашей встречи!»

Минерва с трудом остановила Дейла, когда тот поднял шум, говоря, что должен немедленно встретиться с невесткой. В то же время она в общих чертах узнала, через что прошли Эйли и её муж. Успокоив Дейла, Минерва пообещала сообщить ему новости об их невестке.

Его лицо, которое до этого было ярким, помрачнела. Минерва погрузилась вслед за Дейлом. Они молчали и думали об одном и том же.

Даже если Эйли хотела пойти посмотреть на весенние цветы, я не должна была слушать её. Сначала надо было отправить её на осмотр.

Даже если невестка хотела использовать свою способность, я не должен был её слушать. Мне следовало разбить окно в первый же день.

Эйли знала о своей болезни, поэтому она так не хотела, чтобы её осматривали. По той же причине невестка была слишком насторожена и занимала оборонительную позицию. А я думала, что она просто не привыкла к окружению и незнакомым людям.

Если бы я знал, что причина в этом, то не позволил бы ей мучиться от боли в одиночестве.

«Как долго она страдала, держа всё в себе?»

Эта мысль разбивала им сердце. О чем она думала каждый день при такой жизни? Как относилась к себе? У них на сердце было очень тяжело.

За окном становилось темнее.

Дейл с горечью произнёс:

— Скоро наступит ночь, похоже, сегодня Эйли тоже будет спать весь день.

— ...Я беспокоюсь, что она не очнётся от дурного сна.

Или, возможно, Эйли не просыпалась, потому что ей наоборот снилось что-то хорошее, что тоже тревожило Минерву. Она пообещала себе, что сделает свою невестку счастливой, что больше та не увидит ничего плохого. Но не смогла решить даже эту проблему.

Минерве даже почему-то хотелось, чтобы Эйли рассердилась, что её заставили лежать на больничной койке. Она была бы не против этого, лишь бы девушка поскорее очнулась.

Они вытирали слёзы втайне друг от друга, страстно желая, чтобы им дали ещё один шанс.

Дайкин сидел в своем кресле и пристально смотрел на Эйли.

«— Для более точного диагноза нам нужно провести больше анализов, но главной особенностью болезни Таумиэля является то, что она поражает не только внутренние органы, но и орган контроля способностей, препятствуя их нормальному функционированию. Она также увеличивает риск «взрыва», и силы значительно «вытекают» наружу».

Эйли была прикована к кровати уже три дня. Слова доктора Хайрама постоянно повторялись в голове Дайкина.

«— Трудно сказать, что потеря сознания совершенно не связана с болезнью Таумиэля. Хотя мозг не был поврежден, похоже, что миледи потеряла сознание из-за чрезмерного использования способности».

«Таумиэль. Они даже использовали такое отвратительное лекарство».

Желание убивать захлестнуло Дайкина.

«Не сейчас. Я должен лично растоптать их, глядя, как отчаяние захлестнёт их, но Эйли ещё не очнулась. Я отправлюсь, когда увижу, как она откроет глаза».

Сказав это, доктор Хайрам на мгновение замолчала.

«— ...И на её левом запястье синяк. Похоже, эта рана была оставлена совсем недавно. Что-то произошло в бальном зале?»

Дайкин всё время был рядом с Эйли, и он никогда не держал её крепко за запястье. Он всегда брал её за руку бережно, боясь, что она сломается.

Дрожащими руками Дайкин проверил запястье Эйли. Синяк на левой руке был замечен, даже если не присматриваться. Он даже не заметил эту рану, когда они вернулись с Эйли, потому что был занят другим.

«Когда это случилось? Кто схватил её так крепко?»

В этот момент Дайкин вспомнил, что Эйли оставила свою еду, а затем вернулась с террасы. Она была бледная и холодная, а её плечи дрожали. Если Эйли получила рану в бальном зале, то только тогда.

Дайкин сжал кулаки так крепко, что ногти впились в ладони. Он злился на себя из-за того, что не знал о болезни Эйли и был не рядом с ней в тот момент. Гнев захлестнул его и сводил с ума, и развеять его было невозможно. Дайкин должен был найти, пусть и с опозданием, этого человека и убить.

«— Изучите список людей, которые находились в бальном зале в тот день, и найдите свидетелей, которые видели, как около девяти вечера человек выходил на террасу возле ванной комнаты. Также проверьте, не выходил ли кто-нибудь наружу через террасу».

Даже если это был бал-маскарад, организатору всё равно нужен был список людей для рассылки приглашений. Ответ, который пришел через некоторое время, был ошеломляющим.